

По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона "О третейских судах в Российской Федерации", статьи 28 Федерального закона "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним", пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона "Об ипотеке (залоге недвижимости)" в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации

Статья 18. Конституции Российской Федерации, утверждая, что права и свободы человека и гражданина определяют собой деятельность законодательной власти и власти исполнительной, не завершает триаду судебной властью, но предписывает обеспечение прав и свобод правосудием и тем самым не замыкает его в границы госуд

Согласно части 5 статьи 32 Конституции Российской Федерации граждане России вправе участвовать в отправлении правосудия, а не только судебной власти.

В части 1 статьи 45 и части 1 статьи 46 Конституция Российской Федерации различает, с одной стороны, государственную защиту прав и свобод, а с другой - судебную их защиту, гарантируя эти виды защиты по отдельности. Если бы государство поглощало собой правосудие, то судебная защита прав и свобод вошла бы в государственную их защиту и посвященное ей отдельное конституционное положение стало бы избыточным, а это явно не так.

Конституционные положения о разграничении предметов ведения между Российской Федерацией и ее субъектами, а также действительное их исполнение при издании Федерального закона "О третейских судах в Российской Федерации" также не позволяют отрицать негосударственную юрисдикцию. Ведь если этот Закон не предполагает его развития в региональном законодательстве, то издан он, следовательно, по предмету собственного ведения Российской Федерации. При этом предмет его регулирования таков, что издание названного Закона можно связать лишь с пунктом "в" (в части защиты прав и свобод человека) и с пунктом "о" статьи 71 Конституции Российской Федерации, поскольку из других ее пунктов издание такого Закона не следует. Последний же пункт из названных двух относит к ведению Российской Федерации, в частности, судоустройство, гражданское и гражданско-процессуальное законодательство. И поскольку судебная защита прав и свобод предполагается в том числе по гражданскому законодательству, а судоустройство и процессуальное законодательство относятся к правосудию тем более, то издание по таким предметам федерального ведения Закона о третейских судах позволяет определенно решить, что институт третейского суда располагается именно в области правосудия.

Положения главы 7 Конституции Российской Федерации хотя и объединены титулом "Судебная власть", по буквальному своему значению имеют более широкий смысл.

Во всяком случае, часть 1 статьи 118, устанавливая, что правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом, тем самым запрещает его осуществлять иным властям, но не опровергает третейской юрисдикции.

Положения части 2 статьи 118 Конституции Российской Федерации связывают судебную власть установленными видами судопроизводства, что само по себе не отрицает юрисдикции негосударственных институтов.

Положения части 3 статьи 118 Конституции Российской Федерации предусматривают установление федеральным конституционным законом судебной системы Российской Федерации.

Федеральный конституционный закон "О судебной системе Российской Федерации" в части 1 статьи 1 допускает осуществление судебной власти исключительно судами в лице судей и присяжных, народных, арбитражных заседателей. Запрещая, далее, другим органам и лицам осуществление правосудия, он берет это понятие в тесном смысле и продолжает его в части 1 статьи 4, по которой

правосудие в Российской Федерации осуществляется только судами, учрежденными в соответствии с Конституцией Российской Федерации и названным Законом, а создание судов, им не предусмотренных, не допускается. Из буквального прочтения приведенных законоположений действительно следует, в частности, тот вывод, что третейские суды, поскольку их предусмотрел иной, а не этот Закон, правосудия осуществлять не могут и к судам не относятся. В истолковании этих законоположений, однако, важно иметь в виду, что согласно части 3 статьи 118 Конституции Российской Федерации названный Закон предназначен установить "судебную систему Российской Федерации" - судебную систему государства. Допуская осуществление правосудия "в Российской Федерации" только судами, учрежденными в соответствии с Конституцией Российской Федерации и названным Законом, часть 1 его статьи 4 перешла к более строгому изложению, при котором понятие правосудия, имея изначально более просторное значение, сократило часть своего смысла. Но юрисдикционную деятельность иных, помимо государственных судов, субъектов этот Закон, во всяком случае, не отрицает. Юрисдикционные права разрешать правовые споры или дела об ответственности имеют даже явно несудебные государственные органы (антимонопольная служба, избирательные комиссии); этими правами пользуются в трудовых спорах, в решениях квалификационных коллегий судей и т. д.

Если дело лишь в терминах, то слова "суд" или "правосудие" можно оставить в титулах государственной судебной системы, чтобы негосударственная юстиция, квазиюстиция довольствовались понятием юрисдикции, которое, впрочем, по смыслу столь близко правосудию, что они сливаются в синонимии. Но если государству отдавать не титулы, а исключительные привилегии вершить правосудную справедливость, при том что она берет свое начало не в государстве, а в праве, то в конституционном смысле такое движение было бы неверным.